

Одно слово «малыш» превратило лицо Тун Цинхэ в красный помидор.

Его кожа была светлой, и любое изменение эмоций легко проявлялось на лице: красные уголки глаз, красные щёки, красные кончики ушей. Он думал, что его альфа слишком драматизирует. Никто в таком возрасте не называет себя «малышом».

Вчера Юй Сяокэ сказал ему, что некоторые мужчины, особенно те, у кого высокий статус, выглядят серьёзными и строгими на публике, неприступными, и окружающие их боятся. Но как только рядом появляется близкий человек, особенно если это взрослый мужчина без опыта, они становятся невероятно жадными в уединении, отчего ноги и руки у партнёра подкашиваются и дрожат.

Юй Сяокэ серьёзно посоветовал ему больше тренироваться, когда будет время.

Тогда Тун Цинхэ не мог понять, что означает это «жадность». Но теперь, когда Цзян Шаочжи удерживал его за уголок рта, внимательно глядя на него каким-то невыразимым взглядом, и его дыхание было горячим и обжигающим. Чёткие черты его лица были так близко. Он прошептал ему на губах, назвав «малышом» — всего один раз, и Тун Цинхэ мгновенно всё понял.

Цзян Шаочжи наклонился, чтобы поцеловать его уголок рта, медленно и нежно, легонько покусывая губу.

В голове маленького омеги, которая обычно была наполнена только книгами и редко думала о пошлостях, на этот раз родились неприличные, постыдные образы.

Что-то в его оцепенелом мозгу взорвалось. Тун Цинхэ был вынужден приоткрыть рот, и из горла вырвался приглушённый короткий стон.

— Дя-дя... — Тун Цинхэ тяжело дышал. Неконтролируемый аромат жасмина разошёлся по воздуху. — Не делай так постоянно...

Цзян Шаочжи немного отвёл лицо, но его рука оставалась надёжно поддерживать Тун Цинхэ. Он спросил:

— Что не делать?

Тун Цинхэ опустил глаза и молчал. Спустя некоторое время он сказал:

— Не называй меня малышом.

Цзян Шаочжи:

— Малыш.

Тун Цинхэ захотелось закрыть ему рот, но он постеснялся это сделать.

Он увидел мешочки с песком, привязанные к ногам Цзян Шаочжи, и немного грязи на штанинах. Удивлённо погладив затылок Цзян Шаочжи, он почувствовал, что тот весь мокрый от пота, и от него исходил сильный жар. Тут же его сердце сжалось от беспокойства.

— Дядя, ты что, прибежал сюда?

Цзян Шаочжи ничего не сказал. Груз в двадцать пять килограммов на ногах для него не был проблемой. Во время тренировок это было обычным делом. Но увидев сочувствующий взгляд Тун Цинхэ, он тут же ухватился за момент и невозмутимо сказал:

— Немного устал. Дай мне опереться на тебя.

Тун Цинхэ немедленно выпрямился. Цзян Шаочжи прислонился к нему, пот с его лба тёрся о шею Тун Цинхэ. Короткие чёрные волосы щекотали тонкую белую кожу шеи, но Тун Цинхэ не выказывал ни малейшего нетерпения.

Он повернулся, поднёс руки к крану, набрал воды, достал из своей маленькой сумки запасной шёлковый платок, смочил его и терпеливо вытер пот со лба и шеи Цзян Шаочжи.

Цзян Шаочжи смотрел на него, не мигая. Когда Тун Цинхэ закончил вытирать, он заметил, что альфа всё ещё смотрит, и невольно потрогал своё лицо.

Цзян Шаочжи взял его за запястье:

— Красивый.

Сказав это, он поднял Тун Цинхэ с раковины:

— Теперь пойдём смотреть дома. Выбирай тот, который тебе понравится, и купим его.

Цзян Шаочжи решил, что сегодня они обязательно должны купить дом. Тун Цинхэ хотел жильё в правительственном районе. Он уже поручил составить отчёт и подать его. Оставалось только поехать и выбрать понравившийся объект.

Цзян Шаочжи никогда не покупал дома в Федерации, и причина была одна.

Его родители часто путешествовали по другим планетам, а он сам постоянно был в командировках. У него не было постоянного места жительства. Дом — там, где люди. Поэтому для него дом не имел большого значения.

Федеральное военное правительство выделило ему квартиру ещё десять лет назад. За ней

следила только домработница. Она находилась в другом крупном районе, довольно далеко от правительственного. Он возвращался туда раз или два в год. Жизнь там не давала ему ощущения дома, она была холодной и безлюдной.

На продаже жилья генералу Сяо уже ждали сотрудники отдела продаж. Развернувшаяся перед ним картина ошеломила Тун Цинхэ. Присутствие людей заставляло его чувствовать себя скованно. Он шёл рядом с Цзян Шаочжи, как школьник рядом с грозным генералом.

Цзян Шаочжи отослал нескольких человек, которые следовали за ними, и повёл Тун Цинхэ осматривать окрестности.

Клиенты, приехавшие осматривать дома в правительственном районе, были либо богаты, либо знатны. Во время осмотра они встретили несколько человек. Из-за их высокого статуса все были достаточно вежливы. Даже если они не были знакомы, они кивали друг другу, чтобы на будущее, если встретятся снова, можно было считать, что они знакомы.

Тун Цинхэ выбрал один дом. Спросив мнение Цзян Шаочжи, он вызвал менеджера и попросил его дать подробное описание.

Вопросы покупки нового дома были легко согласованы. Цзян Шаочжи отправился в зал, чтобы оформить документы и оплатить. Тун Цинхэ хотел пойти с ним, но они ходили, осматривая дома, три часа. Физическое состояние омеги было не таким выносливым, как у альфы. Даже если он не чувствовал усталости, его дух немного устал.

Цзян Шаочжи отвёл его в зону отдыха, чтобы он сел. Вокруг никого не было. В этом пространстве играла расслабляющая лёгкая музыка. Когда он сел, напряжённые мышцы ног сразу же расслабились.

Цзян Шаочжи положил ладонь на затылок Тун Цинхэ и погладил:

— Оставайся здесь. Я закончу с документами и контрактом, потом заберу тебя.

Тун Цинхэ до этого говорил, что не устал, но, сидя на мягкой подушке и услышав слова Цзян Шаочжи, он действительно почувствовал усталость. Он кивнул, подцепил пальцем палец Цзян Шаочжи, а затем отпустил.

Это была его маленькая привычка, выработанная с детства: он так делал с теми, кому доверял в незнакомой обстановке. Цзян Шаочжи не знал об этом, но ему нравилось, когда его маленький омега тянулся к нему.

Менеджер, стоявший рядом, добавил, создавая розовые пузыри:

— Генерал, я попрошу, чтобы госпоже принесли соки и закуски.

Услышав слово «госпожа», Тун Цинхэ инстинктивно повернул голову, чтобы объяснить, но слова застряли у него в горле. Он подумал, что, возможно, это не нужно, и проглотил их.

Цзян Шаочжи редко проявлял лишние эмоции перед посторонними, но можно было понять, что сейчас он в очень хорошем настроении.

Цзян Шаочжи наклонился, его взгляд скользнул по лицу Тун Цинхэ:

— Жди меня.

В зоне отдыха открывался широкий вид. Тун Цинхэ сидел и отдыхал около десяти минут, затем встал и подошёл к панорамному окну. Половина правительственного района была видна как на ладони.

Внезапно кто-то окликнул его сзади:

— Сяо Сюэчжан? (Старший однокурсник?)

Тун Цинхэ повернулся на звук. Это был альфа-младшекурсник из той же школы, который когда-то ухаживал за ним. Тун Цинхэ перепрыгивал через классы и на самом деле был на два года моложе своего младшекурсника.

— Ты тоже приехал смотреть дом? — Альфа вздохнул с досадой. — В правительственном районе дома дорогие, и, не говоря о цене, процедура получения разрешения от учреждения довольно сложная. Я оканчиваю учёбу в следующем году, и семья решила приготовить мне новый дом. Чтобы получить разрешение, сначала пришлось обратиться к моему дяде, потом к начальнику моего дяди. У этого начальника есть родственники в правительственном центре. Понадобилось полмесяца, чтобы договориться, и только после прохождения всех этих уровней нам удалось сэкономить много времени и получить разрешение на покупку.

Альфа спросил:

— Вам уже пришло разрешение?

Этот младшекурсник, Гуань Сяньжун, с одной стороны, пытался узнать о положении Тун Цинхэ. Он знал, что семья Тун Цинхэ имеет влияние, но его собственная семья ничем не уступала. С другой стороны, он специально использовал эти слова, чтобы косвенно сообщить Тун Цинхэ, насколько обширны связи его семьи, с оттенком хвастовства.

Альфы больше заботятся о своём лице, чем омеги и беты. В прошлый раз, когда Тун Цинхэ отверг его ухаживания, это сильно задело его самолюбие. Альфы по своей природе сильны и упрямы, и, если они не получают желаемого или сталкиваются с неуступчивостью, это вызывает у них чувство противоречия и желание подчинить того, кто их отверг.

Более того, Тун Цинхэ был очень выдающимся омегой. Если бы он не был так холоден к

альфам, был бы более открытым и общительным, он был бы очень популярен в кругах альф.

Чувство собственного достоинства не позволяло альфам, отвергнутым омегами, оглядываться назад, но некоторые из них помнили об этом.

Этот младшекурсник, Гуань Сяньжун, всё ещё помнил о Тун Цинхэ. Увидев, что Тун Цинхэ молчит, он непринуждённо придвинул стул рядом с ним и сел, взял кусочек закуски и отправил в рот. Он нахмурился — слишком сладко, такой приторный вкус нравится только омегам.

— Сяо Сюэчжан, почему ты молчишь?

— Гуань Сяньжун, — Тун Цинхэ назвал младшекурсника по имени и объяснил: — Не я покупаю дом.

Это его дядя.

Гуань Сяньжун сделал вид, что внезапно всё понял:

— Ну да, точно. В правительственном районе слишком трудно купить дом. Если бы семья не заставляла меня, мне бы не хотелось тратить столько усилий, чтобы соответствовать их требованиям.

Тун Цинхэ не мог дать оценку, но смутно чувствовал намёк в словах младшекурсника.

Гуань Сяньжун подсел поближе и принял вид, будто хочет что-то обсудить:

— Сяо Сюэчжан, ты ведь оканчиваешь учёбу в этом году? Через два месяца Федеральный исследовательский институт будет набирать новых сотрудников. Я слышал от профессора, что ты хочешь туда попасть.

Услышав о теме исследовательского института, Тун Цинхэ заинтересовался и подтвердил, что готовится к написанию диссертации и собеседованию для поступления в институт.

Гуань Сяньжун улыбнулся:

— У моей семьи есть несколько родственников, которые работают в институте, особенно мой дядя, который, кажется, получит повышение в этом году.

Гуань Сяньжун наблюдал за выражением лица Тун Цинхэ:

— Сяо Сюэчжан, если ты хочешь туда попасть, это возможно. Набор в институт проводится раз в три года, и отбор всегда строгий. Однако, если несколько человек внутри согласятся помочь тебе, это всего лишь вопрос нескольких слов и одного ужина.

Сказав это, Гуань Сяньжун незаметно положил руку на тыльную сторону ладони Тун Цинхэ. Тун Цинхэ вздрогнул, быстро отдернул руку и смущённо спросил:

— Сюэди, что ты имеешь в виду?

Гуань Сяньжун слегка улыбнулся:

— Сяо Сюэчжан, я знаю, что ты любишь учиться и не используешь всякие обходные пути. Ты полон решимости работать в институте после окончания учёбы. Я уважаю это в тебе.

— Твоя сестра, она, конечно, имеет влияние, но собеседование в институт не так просто. Если хотя бы один член приёмной комиссии не согласится, ты не сможешь туда попасть.

Тун Цинхэ медленно нахмурился. Его настроение стало тяжёлым.

Он услышал, как Гуань Сяньжун продолжил:

— Я искренне симпатизирую тебе. Если ты согласишься встречаться со мной, или, если нет, мы можем сходить в больницу и проверить нашу совместимость феромонов. Независимо от процента, я найду способ, чтобы ты смог пройти в институт. Как тебе такое предложение?

Тун Цинхэ опустил взгляд и молчал.

Гуань Сяньжун подождал несколько минут. Не получив ответа, он не рассердился, а, наоборот, улыбнулся и немного надавил, используя свои методы, и серьёзно сказал:

— Сяо Сюэчжан, ты молод, и это нормально, что ты не разбираешься в хитросплетениях связей. Но если я попрошу своего дядю сообщить одному из интервьюеров, чтобы он тебя не пропустил, тебе придётся ждать ещё три года. Твоя сестра занята, у неё найдётся время, чтобы договориться со всеми этими людьми? Люди, которые хотят добиться чего-то большого, не могут обойтись без поддержки.

Лицо Тун Цинхэ постепенно побледнело. Гуань Сяньжун, увидев, что достиг эффекта демонстрации силы и подавления, уверенно улыбнулся и выпустил слабый аромат феромонов, который окутал Тун Цинхэ, намереваясь расслабить его.

В тот же миг мощный аромат сандалового дерева ворвался в зону отдыха со стороны двери, быстро заполнив всё пространство. Гуань Сяньжун почувствовал удушье в груди и услышал низкий, ровный голос, доносящийся из-за двери.

— Хорошо сказано. Удобно спрятаться в тени большого дерева. Тун-Тун, почему бы тебе не опереться на меня?

Менеджер, который последовал за ними, хоть и был бетой, отступил на несколько шагов, задыхаясь от этого агрессивного аромата феромонов:

— Генерал, это...

Тун Цинхэ вздрогнул и повернулся:

— Дядя, ты закончил с документами?

Цзян Шаочжи подошёл и взял Тун Цинхэ за руку. Пока он оформлял документы, другой альфа задумал недоброе в отношении его омеги. Это его очень раздражало.

Цзян Шаочжи был мрачен, но продолжил разговор спокойным тоном:

— Разве Тун-Тун не считает меня своей опорой?

У Гуань Сяньжуна по спине струился холодный пот, одежда прилипла к спине. Он никогда не сталкивался с таким властным и сильным ароматом феромонов. Несмотря на то, что это был сандал, горький запах был подобен яду. Он обхватил руками живот, не выдержал долго и, прислонившись к перилам, начал рвать. В ушах у него звенело.

Ещё до того, как Гуань Сяньжун начал рвать, Цзян Шаочжи вывел своего маленького омегу из зоны отдыха и бесстрастно спросил:

— Кто это был?

Тун Цинхэ честно ответил:

— Младшекурсник.

Цзян Шаочжи:

— Он ухаживал за тобой. — Почти утвердительный тон.

Тун Цинхэ крепче сжал ладонь альфы:

— Я не люблю его. Я ему отказал.

Феромоны Цзян Шаочжи изменились: появился слабый, терпкий сладкий аромат. На лице альфы не было лишних эмоций, но изменение феромонов было красноречивее выражения лица.

Тун Цинхэ обрадовался этому открытию. Цзян Шаочжи продолжил:

— Тун-Тун, запомни мои слова.

Тун Цинхэ вздрогнул. Цзян Шаочжи остановился:

— Я твоя опора.

— Я знаю...

Они сели в машину. Документы о покупке дома лежали в салоне. Цзян Шаочжи передал их Тун Цинхэ, чтобы тот просмотрел, но увидел, что тот рассеян, вероятно, из-за предыдущего инцидента.

— Тун-Тун.

Тун Цинхэ закрыл контракт и приглушённо спросил:

— Дядя, то, что сказал Гуань Сяньжун, правда? Чтобы попасть в институт, нужно...

Цзян Шаочжи повернул голову. Воспользовавшись тем, что Тун Цинхэ не пристегнулся, он напряг руку и посадил омегу к себе на колени.

Из-за внезапной смены позы Тун Цинхэ не знал, куда деть руки. Цзян Шаочжи указал ему глазами. Тун Цинхэ сжал губы и молча обхватил руками шею Цзян Шаочжи.

Цзян Шаочжи обнял его:

— В этом есть доля правды, но это не абсолютно. — Он легонько похлопал ладонью по спине Тун Цинхэ, выпуская феромоны и побуждая своего омегу также испустить аромат жасмина.

Лёгкий сандал, смешанный со свежим жасмином, создавал идеальную атмосферу, которая сбивала с толку.

Тун Цинхэ был расстроен. Его выражение лица было немного потеряннм. Он прижимался носом к шее своего альфы, вдыхая его запах, отчего у альфы кружилась голова.

Цзян Шаочжи сказал:

— Тебе не нужно беспокоиться об этом. — Сказав это, он вложил контракт о покупке дома в руки Тун Цинхэ, говоря сосредоточенно и серьёзно: — Через пару дней мы переедем в новый дом, хорошо?

За короткую неделю Цзян Шаочжи быстро и ритмично уладил все вопросы, разделявшие их. Теперь осталось только одно: переехать в новый дом и дожидаться совершеннолетия Тун Цинхэ.

Грубый кончик пальца скользнул по железе на шее Тун Цинхэ. Это место было чувствительным и хрупким, тонкий слой кожи, который достаточно было прокусить, чтобы установить интимную связь между альфой и омегой.

Укус альфы в железу омеги символизировал властность и в какой-то степени означал, что омега занят, является собственностью альфы, и другим альфам не разрешено на него покушаться, подобно тому, как хищники в саванне оставляют свой запах, чтобы пометить территорию.

С развитием законодательства отношения между альфами и омегами постепенно улучшались. Человечество стремилось к цивилизованной свободе, но в отношении своих омег, альфы оставались дикими в период гона, и их желание обладания было трудно контролировать.

Цзян Шаочжи подумал о том, как другой альфа только что пытался соблазнить его омегу феромонами. Его палец, касавшийся железы, напрягся. Он изо всех сил старался сдержать желание сойти с ума.

— Тун-Тун, ты мой.

Тун Цинхэ хотел что-то сказать, но не смог. Если бы это было раньше, он бы, несомненно, сказал, что между омегами и альфами нет отношений «чей-то». Даже если они поженятся, они могут стать неразлучными, но всё равно остаются независимыми личностями со свободной и независимой мыслью.

В глазах Цзян Шаочжи горело пламя, жаркое желание, желание его.

Горло Тун Цинхэ сжалось. Он прочистил его, крепко обнял Цзян Шаочжи за шею и промолчал.

====

В тот вечер, когда Тун Яо вернулась домой, Тун Цинхэ рассказал ей о своём плане жить с Цзян Шаочжи.

Тун Яо долго молчала, потом кивнула и с непривычной нотой вздохнула:

— Ты тоже вырос.

Сестра и брат редко проводили время вместе. Одна была поглощена карьерой, другой ничего не просил. Одна была властной, другой — медлительным. Они долго смотрели друг на друга, но не могли сказать больше.

Тун Яо было жаль расставаться с братом, но она сама отправила данные Тун Цинхэ в сеть АО для подбора партнёра, чтобы подготовиться к его совершеннолетию. Она решительно отвергла его предложение принять ингибиторы. Теперь сожалеть было бесполезно.

Цюцю неутешно проливал искусственные слёзы, собирая вещи Тун Цинхэ в чемодан, и всхлипывал, сидя на полу.

Тун Яо сказала:

— Отправлю Цюцю присматривать за тобой.

Тун Цинхэ, растерянный, вытирал слёзы Цюцю, меняя третий промокший шёлковый платок, и, услышав это, сказал:

— Пусть Цюцю останется дома. Сестра занята, и за тобой некому присматривать. Цюцю будет тебе полезен. — Он поправил взъерошенные волосы, сдержанно улыбнувшись. — Там со мной будет дядя. Мы будем заботиться друг о друге.

Тун Яо не нашлась, что ответить, и сказала только:

— Надеюсь, он не будет слишком властным. — У альф есть низменные черты, и Тун Яо сама не была исключением.

Впервые покидая дом, где он прожил восемнадцать лет, Тун Цинхэ почувствовал, как бешено колотится его сердце, а ладони стали влажными от пота.

Мебель в новом доме была расставлена всего за два дня. Цзян Шаочжи показал ему первый этаж, а затем они поднялись в спальню. Увидев посреди комнаты очень большую двуспальную кровать, Тун Цинхэ мгновенно занервничал.

Цзян Шаочжи тоже молча смотрел на кровать.

Наконец, Цзян Шаочжи предложил:

— Попробуй прилечь.

Тун Цинхэ был уложен на кровать. Мощное тело рядом нависало над ним, не давая дышать.

— Дядя, ты меня давишь...

Цзян Шаочжи быстро отстранился, сел на край кровати и смахнул пот, который непрерывно капал со лба.

В комнате был умеренный кондиционер, и потеть было невозможно.

— Дядя... — Тун Цинхэ опешил. Он только собрался встать, как Цзян Шаочжи очень крепко сжал его руку.

Температура его кожи была высокой и обжигающей. Вся кровь в его теле, казалось, прилила к голове. Цзян Шаочжи напряг своё лицо, ставшее багровым от прилива крови, стиснул зубы и

выдал неожиданный признательный:

— У меня, кажется, опять начался гон.

<http://bllate.org/book/4/79>